

ПОСТРЕВИЗИОНИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕПРЕССИЙ 1930-Х ГГ. В СССР: АВТОРЫ И КОНЦЕПЦИИ

Чеканов Даниил Дмитриевич

аспирант, Тюменский государственный университет

stud0000104020@study.utmn.ru

THE POST-REVISIONIST TREND IN THE RESEARCH OF THE REPRESSIONS OF THE 1930S IN THE USSR: AUTHORS AND CONCEPTS

D. Chekanov

Summary: The article provides a comprehensive analysis of the post-revisionist trend in modern Russian historiography, focused on the study of the repressive policies of the 1930s in the USSR through the prism of the concept of "Soviet subjectivity". The author traces the genesis of this approach, which goes back to the post-structuralist philosophy of M. Foucault and his Western interpreters (I. Halfin, J. Hellbeck). The focus is on the adaptation of this methodology by Russian researchers (O.L. Leibovich, S.I. Bykova, I.B. Orlov, I.G. Venyavkin), whose works are analyzed from the point of view of key research subjects: the formation of "terrorist discourse", strategies for survival and self-expression in the Gulag, reconstruction of individual experience through sources of personal origin. A separate section is devoted to criticism of this area from the scientific community. The conclusion is made about the methodologically significant status of the "history of subjectivity" in the framework of the study of Stalinism, its hybrid nature, and prospects for further development.

Keywords: post-revisionism, soviet subjectivity, repressions of the 1930s, historiography of Stalinism.

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ постревизионистского направления в современной отечественной историографии, сфокусированного на изучении репрессивной политики 1930-х годов в СССР через призму концепции «советской субъективности». Автор прослеживает генезис данного подхода, восходящий к постструктуралистской философии М. Фуко и его западным интерпретаторам (И. Халфин, Й. Хелльбек). В центре внимания – адаптация этой методологии российскими исследователями (О.Л. Лейбович, С.И. Быкова, И.Б. Орлов, И.Г. Венявкин), чьи работы анализируются с точки зрения ключевых исследовательских сюжетов: формирования «террористического дискурса», стратегий выживания и самовыражения в ГУЛАГе, реконструкции индивидуального опыта через источники личного происхождения. Отдельный раздел посвящен критике данного направления со стороны научного сообщества. Делается вывод о методологически значимом статусе «истории субъективности» в рамках изучения сталинизма, ее гибридной природе и перспективах дальнейшего развития.

Ключевые слова: постревизионизм, советская субъективность, репрессии 1930-х годов, историография сталинизма.

Введение

Историография сталинских репрессий, являющаяся одной из наиболее динамичных и дискуссионных областей постсоветского гуманитарного знания, прошла сложный путь от биполярной конфронтации «тоталитарной» и «ревизионистской» школ к методологическому плюрализму. С начала 2000-х годов в российском академическом пространстве наметилась попытка освоения исследовательских стратегий, условно объединяемых под общим названием «постревизионизм». Центральное место в этом направлении занимает концепция «советской субъективности», ставящая во главу угла проблему формирования внутреннего мира, идентичности и практик осмысления действительности «рядовым» советским человеком в условиях насильственной модернизации и террора.

Несмотря на активное развитие данного подхода в западной советологии, его рецепция в отечественной

историографии носит фрагментарный характер. Целью данной статьи является систематизация и анализ попыток реализации постревизионистской программы в российских исследованиях репрессий 1930-х годов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) выявление теоретико-методологических истоков концепции; 2) обзор и классификация ключевых работ отечественных авторов, апеллирующих к понятию «субъективности»; 3) анализ основных критических аргументов, выдвигаемых против этого направления в профессиональной среде. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении постревизионистских работ как целостного феномена в современной российской исторической науке.

Методы

Теоретической основой исследования избрана теория интеллектуальной истории, содержание которой учитывает обстоятельства процесса формирования

научного дискурса исторической науки. Методологической базой исследования избраны проблемно-хронологический, дискурсивно-аналитический, компаративистский и типологический методы.

Результаты исследования

Теоретико-методологические основания: от М. Фуко к «советской субъективности»

Генезис постревизионистского направления непосредственно связан с «лингвистическим» и «антропологическим» поворотами в социальных науках конца XX века. Его философским фундаментом стали идеи французского постструктуралиста М. Фуко. В ранних работах Фуко, таких как «Надзирать и наказывать» [6], субъективность рассматривалась как продукт внешнего дисциплинарного давления, как эффект властных отношений, воплощающихся в дискурсивных практиках. Власть не просто подавляет индивида, но конституирует его, определяя границы допустимого и мыслимого [7, с. 660].

В поздний период творчества Фуко сместил фокус на процессы самоформирования субъекта посредством которых индивид сознательно и целенаправленно работает над созданием собственной личности – занимается, по выражению философа, «герменевтикой личности» [7, с. 653]. Этот дуализм – субъект как «продукт» внешних структур и как «автор» собственного «Я» – стал ключевым для исследователей, обратившихся к советскому материалу.

Наиболее последовательно эта дихотомия была разработана в работах Ильи Халфина и Йохена Хелльбека, которые и сформулировали классическую парадигму «советской субъективности». Они предложили «филологическую» модель изучения советского прошлого, сводящуюся к анализу единого революционного дискурса, поглощавшего все альтернативные языки самоописания. В этом подходе «советский субъект» понимался как порождение данного дискурса, а его автобиографические практики (дневники, заявления, анкеты) – не как отражение некой «подлинной» сущности, а как акты конструирования себя в соответствии с предлагаемыми культурными шаблонами. Как отмечал Халфин, в большевистском автобиографическом письме стирается грань между «рассказанным я» и «рассказывающим я». Такое письмо свидетельствует не о том, «каким в действительности был писавший ее индивидуум», а о том, «каким он надеялся стать» [2]. Таким образом, источником для историка становится не «правда» документа, а сама процедура субъективации – процесс вписывания индивидуального опыта в господствующий нарратив.

Именно на этом теоретическом фундаменте, сочетающем анализ внешнего дискурсивного принуждения и

внутренней самотрансформации, строят свои исследования отечественные историки, пытающиеся применить постревизионистскую оптику к изучению репрессий 1930-х годов.

Концепция «советской субъективности» в работах российских исследователей: основные векторы

Несмотря на отсутствие масштабных монографий или диссертаций, декларирующих свою принадлежность к данному направлению, в постсоветской историографии сложился корпус работ, которые можно отнести к полю «истории субъективности». Их объединяет фокус на источниках личного происхождения (дневники, письма, мемуары, художественное творчество), интерес к языку, дискурсу и ментальным конструктам, а также стремление реконструировать внутренний мир и стратегии поведения людей в экстремальных условиях террора. Условно эти исследования можно разделить на несколько тематических блоков.

Дискурс террора и формирование идентичности

Работа О.Л. Лейбовича является примером анализа макропроцессов субъективации через изучение дискурсивного поля эпохи. Автор вводит и обосновывает понятие «террористического дискурса» 1930-х годов.

Этот дискурс, по Лейбовичу, представлял собой синтетическую культурно-лингвистическую субстанцию, вобравшую в себя политические лозунги, военную риторику, литературные клише и бытовые речевые практики. Его содержание монополюльно определялось властью, но усваивалось и воспроизводилось общественными структурами, которые наполняли его мифологизированными, архетипическими для массового сознания образами («враг», «чистка», «бдительность») [5, с. 17].

Таким образом, «террористический дискурс» выступал не просто идеологическим фоном, а активным мобилизационным механизмом, формирующим особый тип советской культурно-социологической идентичности. В этой трактовке прослеживается явная связь с идеей Фуко о конституирующей роли дискурса, хотя Лейбович акцентирует его тоталитарную, заданную сверху природу.

Амбивалентность массового сознания.

Исследования С.И. Быковой смещают акцент с дискурса элит на региональную ментальность. На примере жителей Уральского региона автор выявляет глубинную противоречивость сознания «советского субъекта» в эпоху террора. С одной стороны, под мощным воздействием пропагандистского аппарата общество внутренне санкционировало репрессии, воспринимая их как

необходимую «чистку» или борьбу с «врагами». Эта установка укоренялась через апелляцию к традиционным, доведенным до абсурда, образам коллективной ответственности и справедливости.

С другой стороны, когда террор затрагивал личную сферу – арестовывались родственники, друзья, сослуживцы – в сознании индивида происходил болезненный когнитивный диссонанс. «Советский человек» сталкивался с неприятием реальности, внутренним конфликтом, а зачастую и с формированием скрытого критического отношения к власти [5, с. 407]. Быкова фиксирует эти две взаимоисключающие социокультурные установки в таких маргинальных, но понятных формах выражения, как фольклор (частушки, анекдоты) и частная переписка. Ее работа демонстрирует, как концепция субъективности позволяет уйти от образа «советской массы» и показать ее внутреннюю расколотость.

Субъективность в пространстве лагеря.

Статья И.Б. Орлова открывает еще один важный пласт – творчество и самовыражение жертв репрессий. Автор изучает искусство заключенных ГУЛАГа не как культурный феномен в эстетическом ключе, а как уникальную форму конструирования и утверждения индивидуальности в условиях, направленных на ее полное уничтожение. Через рисунки, стихи, рукоделие заключенные не просто отражали ужасы лагерной жизни, но символически переосмыслили действительность, наполняли ее личными смыслами, страхами и надеждами [5, с. 510]. Этот подход позволяет увидеть в узнике ГУЛАГа не пассивный объект насилия, а субъекта, отчаянно пытающегося сохранить человеческое «Я» даже в безвыходной ситуации. Исследование Орлова вписывается в общую тенденцию изучения «сопротивления» и «приспособления» на микроуровне.

Индивидуальный опыт и практики осмысления.

Наиболее репрезентативными для направления стали работы И.Г. Венявкина, посвященные реконструкции внутреннего мира современника «большого террора» – драматурга Александра Афиногенова. Изучая дневники Афиногенова, Венявкин показывает, как репрессии радикально меняли повседневность и приватное пространство. Личная дача, традиционное место отдыха, в 1937 году превращается в «субстанциональный политический плацдарм», где каждая встреча, каждое неосторожное слово подвергаются тщательной рефлексии и осмысляются как политические жесты [1, с. 14].

Ценность исследования Венявкина заключается в демонстрации сложного механизма работы сознания интеллигента, пытающегося осмыслить бессмысленный ужас.

Автор выявляет феномен «двоемыслия» в его индивидуальном преломлении: Афиногенов в своем дневнике одновременно рассматривал террор и как благотворную «чистку», и как следствие внешней угрозы (войны, фашистского заговора). Эти две версии не отменяли, а дополняли друг друга, не подвергая сомнению саму необходимость и оправданность террора. Как заключает Венявкин, Афиногенов шел «по пути усвоения и творческого переосмысления его лозунгов» [1, с. 16]. Это глубокое наблюдение раскрывает процесс субъективации в действии: индивид не просто пассивно усваивает язык власти, но активно, «творчески» использует его для осмысления собственного травматического опыта, тем самым интегрируя этот опыт в свою идентичность.

Критика направления и дискуссия о «неототалитаризме»

Несмотря на отдельные яркие исследования, постревизионистский подход к изучению репрессий через призму субъективности не стал популярным в отечественной историографии. Критика в его адрес носит как методологический, так и теоретический характер.

Главный упрек касается источниковой базы. Оппоненты справедливо указывают, что круг источников, используемых в таких исследованиях (личные дневники, письма, творчество узников ГУЛАГа, материалы отдельных персон), чрезвычайно узок и социально ограничен. Дневники вели в основном представители образованных слоев (интеллигенция, партийные работники), чей опыт нельзя экстраполировать на все советское общество. Следовательно, информативный потенциал этих источников для изучения *массового* сознания представляется сомнительным. Существует риск, что исследование, основанное на уникальном документе, приобретает субъективный, оценочный характер, отражающий не столько историческую реальность, сколько личную драму его автора. Для адекватной реконструкции массовых настроений необходим широкий статистически значимый массив разнообразных источников личного происхождения, отражающий разные социальные страты и поведенческие стратегии.

Наиболее весомая концептуальная претензия по отношению к постревизионизму отражена в ее критике одним из ведущих современных исследователей сталинской эпохи О.В. Хлевнюком. Он выдвигает тезис о том, что концепция «советской субъективности», несмотря на внешнюю новизну, по сути, воспроизводит ключевые положения классической теории тоталитаризма. По его мнению, работы в этом ключе, детально описывая, как власть через дискурс и репрессии конструирует сознание индивида, приходят к тому же выводу о всепроникающем, тотальном контроле государства над личностью и обществом. Разница лишь в том, что акцент смещается с

политических институтов и террора как такового на внутренне, ментальные механизмы этого контроля.

На этом основании Хлевнюк предложил использовать для обозначения данного направления термин «неототалитаризм». «Если это направление куда-то ранжировать, то я бы назвал его "неототалитарным". Это направление по-своему интересное, они ищут какие-то новые подходы... Однако... они оперируют фундаментальными идеями "тоталитарной" теории», – отмечал историк [8]. Эта критика указывает на важнейшую дилемму: если постревизионисты вслед за Фуко видят в субъекте прежде всего продукт власти, то, где в этой схеме место для подлинной автономии, сопротивления или хотя бы неуловимой «внутренней эмиграции»? Не сводится ли анализ субъективности к демонстрации все того же тотального подавления?

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о месте и специфике постревизионистского направления в российской историографии репрессий 1930-х годов. Во-первых, это направление остается во многом экспериментальным. Ему не хватает теоретической и институциональной обособленности: отсутствуют фундаментальные обобщающие труды, защищенные диссертации, а исследования носят характер отдельных статей или докладов. Во-вторых, работы отечественных авторов демонстрируют гибридный характер методоло-

гии. Они заимствуют язык и исследовательские вопросы у западных постревизионистов, но часто сочетают их с элементами традиционного для российской науки анализа общественного сознания и ментальности, а также с неявными отсылками к тоталитарной.

Тем не менее, значение этих работ нельзя недооценивать. Они вносят важный вклад в усложнение и гуманизацию исторической картины эпохи террора. Благодаря им из абстрактного «общества» проступают живые люди с их внутренними конфликтами, страхами, попытками понять и адаптироваться к абсурдной реальности. Концепция субъективности позволяет задавать новые вопросы не столько о том, что происходило, сколько о том, как это переживалось и осмыслялось современниками.

Перспективы развития данного направления в России связаны с преодолением его ключевых слабостей: расширением и диверсификацией источниковой базы (включением, например, писем во власть, заявлений граждан, материалов судебно-следственных дел, изучаемых не с процессуальной, а с нарративной точки зрения), а также с осмыслением собственного теоретического аппарата и его соотношения с другими школами. Это направление возникло в результате содержательного синтеза элементов «тоталитарной» и ревизионистской традиций, и его дальнейшая продуктивность будет зависеть от способности критически осмыслить это наследие, не впадая в крайности «неототалитаризма» и абсолютизации автономии субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венявкин И.Г. Чернильница хозяина: советский писатель внутри Большого террора. Самиздат, 2017. 90 с.
2. Глебов С., Могильнер М., Семенов А. "The Story of Us": Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/the-story-of-us-proshloe-i-perspektivy-modernizaczii-gumanitarnogo-znaniya-glazami-istorikov.html> (дата обращения 01.11.2025).
3. История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции, Москва, 5–7 декабря 2008 г. Москва: Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина"; РОССПЭН, 2011. 789 с.
4. Лейбович О.Л. «Кулацкая операция» на территории Прикамья в 1937–1938 гг. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 426 с.
5. История сталинизма: репрессированная российская провинция: материалы II международной научной конференции «История Сталинизма» / под ред. Е.В. Кодина. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 599 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 416 с.
7. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже-де-Франс в 1981—1982 уч. году. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 677 с.
8. Олег Хлевнюк. «Ревизионизм». Интерпретации источников по террору // YouTube-канал «Общество Мемориал». 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QzjA7wm2nGI> (дата обращения: 28.10.2025).

© Чеканов Даниил Дмитриевич (stud0000104020@study.utmn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»